

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПОДХОДЫ

ОЛЬГА БОГАТЫРЕВА

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Резюме

Современные тренды мирового развития значительно раздвинули границы дипломатии как инструмента глобального диалога. Для данного исследования существенный интерес представляет её гуманитарный сектор. Между тем в зарубежной и отечественной науке до сих пор отсутствуют единая концепция и прочно укоренившееся понятие гуманитарной дипломатии. Настоящая статья посвящена анализу основных дискуссий о подходах к концепции гуманитарной дипломатии, которые возникли на фоне новой идеи «гуманизма 2.0», перехода от парадигмы классического гуманизма к гуманизму развития, формирования политизированной концепции «гуманитарного пространства» и распространения практики гуманитарных переговоров. Разнообразие приоритетов, целей и акторов, вовлечённых в чрезвычайные ситуации, обуславливают различное понимание гуманитарной дипломатии. В статье представлен обзор основных подходов зарубежных и российских исследователей к формирующимся концепциям этого феномена. В частности, выделены ограничительная и расширительная концепции гуманитарной дипломатии. Проведён анализ её инструментария, выделены сходства и различия с инструментарием традиционной официальной дипломатии. В ходе обзора литературы об основных акторах гуманитарной дипломатии установлено, что негосударственные субъекты играют важную политическую роль в гуманитарных переговорах по разрешению вооружённых конфликтов. В то же время подтверждена роль ООН в создании гуманитарного партнёрства с НПО. Также уделено внимание гуманитарной дипломатии государств, показано разнообразие её национальных моделей и заявлено о необходимости дальнейшего исследования их гуманитарной практики. Рассмотрены основные мотивы, заставляющие государства участвовать в гуманитарной дипломатии, выделены основные направления государственной гуманитарной дипломатии. Выявлено, что сегодня гуманитарная практика, приобретая полимодальный, комплексный характер, включает в себя гуманитарную помощь, социальную политику и экономическую помощь в контексте парадигмы устойчивого развития. В результате изучения основных подходов к теории и практике гуманитарной дипломатии установлено, что использование дипломатических инструментов, и прежде всего переговоров, оказывает позитивное воздействие на результаты гуманитарной деятельности, осуществляемой различными субъектами в конфликтных и кризисных ситуациях.

Ключевые слова:

дипломатия; гуманитарная дипломатия; гуманитарная помощь; гуманизм; миротворчество; права человека.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00033 А «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2020

Дата принятия к публикации: 12.11.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: olga.bogatyreva@urfu.ru

Гуманитарная дипломатия до сих пор не получила должного внимания в академических исследованиях, что контрастирует с практической работой специалистов-практиков в сложных чрезвычайных ситуациях. Её выделение в самостоятельный раздел дипломатической практики вызвано активизацией гуманитарной деятельности в условиях вооружённых интервенций, международных операций по поддержанию гражданского населения, природных катаклизмов и внутренних вооружённых конфликтов. В XXI веке человечество продолжает сталкиваться с высоким уровнем страданий, а «число жертв конфликтов и насилия является пугающим»¹. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в докладе на Всемирном гуманитарном саммите 2016 г. отмечал, что 125 млн человек нуждаются в гуманитарной помощи, сотни тысяч гражданских лиц во всём мире подвергаются преследованиям, жестокому обращению, насильственному перемещению, ранениям или убийствам, а их человеческое достоинство попирается². На конец 2010-х годов более 65 млн человек стали вынужденными переселенцами из-за вооружённых конфликтов [Borgomeo 2019: 1068].

Пандемия COVID-19 также подтвердила значимость гуманитарных аспектов международных отношений. По оценке Глобального гуманитарного обзора, в конце 2020 г. в 56 странах находилось 235 млн наиболее уязвимых людей, которые сталкивались с голодом, конфликтами, перемещением и последствиями изменения климата³. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на тот же момент в результате преследований, кон-

фликтов, насилия и нарушений прав человека во всём мире насчитывалось 82,4 млн насильственно перемещённых лиц⁴.

В условиях многофункциональности и смешения форматов современного миротворчества [Зиновский 2010] миростроительство, гуманитарная помощь и международное развитие концептуально пересекаются⁵. На практике деятельность в этих областях зачастую разобщена, что снижает перспективы урегулирования конфликтов. Ссылаясь на опыт НПО, исследователи предлагают целостно взглянуть на конфликты, скоординировав разрозненные действия в рамках гуманитарной дипломатии [Tabak 2015].

Гуманитарная дипломатия как самостоятельная область дипломатической деятельности выкристаллизовалась после окончания «холодной войны» и сфокусировалась на «максимизации поддержки гуманитарных миротворческих операций и программ, а также создании партнёрских отношений, необходимых для достижения гуманитарных целей» [Regnier 2011: 1211]. В настоящее время она стала одним из направлений дипломатии, обеспечивая гуманитарное реагирование на ситуации вооружённых конфликтов, массовых перемещений населения, эпидемий или природных катастроф. Вместе с тем разнообразие приоритетов, целей и игроков, вовлечённых в чрезвычайные ситуации, обуславливает различия в понимании гуманитарной дипломатии, а само это понятие до сих пор вызывает скепсис из-за отсутствия термина, признанного международным сообществом [Ковба 2020: 170–173; Turunen 2020: 466]. Смысловое наполнение гуманитар-

¹ ICRC Strategy 2019–2022: Institutional strategy. Geneva, 2018. P. 3.

² One Humanity Shared Responsibility. Report of the United Nations Secretary-General for the World Humanitarian Summit. United Nations [online]. URL: <http://sgreport.worldhumanitariansummit.org/> (accessed: 10.01.2021).

³ The Global Humanitarian Overview 2021. Snapshot as of 31 May 2021. P. 2. [online]. URL: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/GHO_Monthly_Update_31MAY2021.pdf (accessed: 21.09.2021).

⁴ Global Trends Forced Displacement in 2020 // UNHCR The UN Refugee Agency. [online]. URL: <https://www.unhcr.org/flagship-reports/globaltrends/> (accessed: 10.09.2021).

⁵ Karver R. Peacebuilding at the Intersection with Development and Humanitarian Aid // Beyond Intractability. May, 2020 [online]. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/peacebuilding-development-humanitarian-aid> (accessed: 25.06.2020).

ной дипломатии различается в отдельных вариантах концептуализации так же широко, как и число организаций, использующих этот термин, и операции, которые они проводят. Одни авторы воспринимают её как ограниченную и нерегулярно осуществляемую деятельность; другие видят в ней альтернативу официальной дипломатии [Ryfman 2010: 576; Smith 2007: 38]; третьи считают, что гуманитарная дипломатия является «скульптором возможностей» гуманизма, сформированным для создания пространства для гуманитарного воздействия [Tugunen 2020: 480]. Цель настоящей статьи — исследовать контуры формирующихся концепций гуманитарной дипломатии в зарубежных и отечественных исследованиях, прояснить её субъектное поле, область действия и приоритеты, представить анализ инструментария и варианты соотношения с традиционной дипломатией.

Эволюция концепции гуманитарной дипломатии

Впервые термин *гуманитарная дипломатия* применил в начале XX века американский дипломат Оскар Страус, отграничивший её от традиционного репертуара деятельности дипломатических ведомств [Straus 1912: 45–59]. После Второй мировой войны и распространения глобального

гуманизма⁶ стала складываться собственная практика гуманитарной дипломатии. К. Йонссон, проследив эволюцию дипломатических теорий с 1960-х годов до окончания «холодной войны», сделал вывод о новом контексте, в котором развиваются дипломатические процессы [Jönsson 2002]. Гражданский характер «новых войн», участие в них негосударственных вооружённых групп [Kaldor 2012], а также активизация негосударственных субъектов в переговорах по урегулированию конфликтов ускорили концептуальное оформление гуманитарной дипломатии. В то же время исследователи отмечают, что наряду с классическими принципами гуманности, нейтралитета, беспристрастности и независимости сформировался «гуманизм 2.0», который наряду с «актами доброты», выразившимися в оказании гуманитарной помощи и облегчении страданий [Gordon, Donini 2015: 105–106], направлен на достижение безопасности, на борьбу с терроризмом и массовыми нарушениями прав человека⁷. Приверженность «гуманизму 2.0» предполагает активную политическую позицию, которая не должна оставаться безучастной к нарушениям прав человека в странах, затронутых конфликтом. Новый подход к гуманизму, формирование политизированной концепции «гуманитарного

⁶ Исследователи связывают «глобальный гуманизм» с созданием ООН, принятием Устава ООН, который поставил задачу содействия международному миру и безопасности, принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Женевских конвенций 1949 г., Женевской конвенции о статусе беженцев и др. В ООН стали обсуждаться и приниматься решения по вопросам международного мира и безопасности, оказания гуманитарной помощи, международного гуманитарного права, международного права прав человека и др. В течение 1960–1970-х годов принимались договоры, направленные на защиту прав человека, например международные пакты 1966 г. Следует также отметить и распад колониальной системы, закрепление в международных документах прав народов.

⁷ В конце XX — начале XXI в. сформировались различные подходы к пониманию гуманизма: от абсолютного нейтралитета, которым изначально руководствовался МККК, до отказа от нейтралитета. В современных условиях гуманитарные принципы часто зависят от политических, экономических и военных целей. Одна из причин такой трансформации гуманизма связана с тем, что гуманитарную помощь и защиту оказывают разные субъекты — международные межправительственные и неправительственные организации, религиозные организации, частные корпорации. Некоторые субъекты вынуждены сотрудничать с правительствами для достижения гуманитарных целей, отказываясь от принципа нейтралитета. Например, доставка продовольствия тамильскому населению в Шри-Ланке в разгар гражданского конфликта потребовала от Всемирной продовольственной программы ООН поступить своим принципом «никаких военных на территории» ради гуманитарного императива. Такое сотрудничество с правительством способствовало достижению целей военной и политической повестки дня в Шри-Ланке и тем самым нарушало принцип нейтралитета. URL: <https://www.wfp.org/countries/sri-lanka>.

пространства»⁸, «обеспечивающего беспрепятственный доступ к нуждающимся людям» [Chandler 2001: 681] и распространение практики гуманитарных переговоров⁹ привели к дискуссиям о новых востребованных подходах к концепции гуманитарной дипломатии.

А. Абенза¹⁰ и Н. Корнаго указывают, что с момента своего возникновения дипломатия государств осуществлялась исходя из императива защиты жертв от крайних форм страданий. Следует учитывать, что представителям традиционной дипломатии в ходе переговоров приходилось решать гуманитарные вопросы, касающиеся согласования условий перемирия, защиты от войн, голода, болезней и «установления границ насилия между политическими сообществами» [Cornago 2020: 31–34]. Уже первые гуманитарные правила, закреплённые ещё в древности, были связаны с предоставлением иммунитета тем, кто должен был забрать тела погибших воинов, первыми формами убежища, обменом пленными и элементарными формами сострадания. Запрещалось использовать отравленное оружие, убивать стариков, женщин и детей, хранителей храмов, пленных. Например, индийский эпос «Махабхарата» и законы Ману включали положения, запрещающие убийство сдавшихся противников, которые

больше не были способны сражаться. Законы также запрещали использование некоторых средств ведения войны (отравленных или горящих стрел) и подробно излагали защиту вражеского имущества и военнопленных [Singh 1985: 531–536].

На протяжении веков гуманитарные установки эволюционировали на фоне менявшихся доктринальных представлений о ценности человеческой жизни и о праве войны в качестве политического орудия. Созданный в 1863 г. Международный комитет Красного Креста (МККК) стал играть главенствующую роль в развитии представлений о защите и достоинстве пострадавшего населения. Эти принципы стали общей идеологической основой для международных гуманитарных организаций, работающих в *донантистской* парадигме¹¹. В XX веке страдания и бедствия, вызванные новыми разрушительными технологиями войны, привели к подписанию Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним. Развитие международного гуманитарного права (МГП) стало одним из достижений дипломатии и способствовало формированию гуманизма неправительственных организаций.

В контексте этого исторического опыта исследователи задаются вопросом, может ли гуманитарная дипломатия рассматри-

⁸ Термин «гуманитарное пространство» основан на международном гуманитарном праве и широко используется международными гуманитарными организациями, в том числе УКГВ ООН, Международным комитетом Красного Креста и др. Гуманитарное пространство относится к географическому, территориальному пространству, в котором имеется физический доступ к нуждающимся в помощи людям, также это может быть институциональное пространство, в котором обеспечиваются безопасность населения и его защита (создание социальных, политических и военных условий). Например, 16 июля 2021 г. в СБ ООН состоялся брифинг «Защита гражданских лиц в вооружённом конфликте: сохранение гуманитарного пространства». URL: <https://www.icrc.org/en/document/humanitarian-space-must-be-protected-without-exception/>

⁹ Gerard Mc H. Bessler M. Humanitarian Negotiations with Armed Groups Humanitarian Negotiations with Armed Groups. A Manual for Practitioners. United Nations. January 2006. [online]. URL: <https://www.unocha.org/sites/unocha/files/dms/Documents/HumanitarianNegotiationswArmedGroupsManual.pdf> (accessed: 25.08.2021).

¹⁰ Abenza O.A. Conceptualización de la diplomacia humanitaria y su papel en las crisis humanitarias de Oriente Medio. The Institute of Studies on Conflicts and Humanitarian Action (IECAN). Documento 19/2016. URL: <https://iecah.org/images/DocuOmar1.compressed.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

¹¹ De Lauri A., Turunen S. The time of the humanitarian diplomat // The time of the humanitarian diplomat. 2021. URL: <https://www.cmi.no/publications/7838-the-time-of-the-humanitarian-diplomat> (accessed: 25.07.2021). Парадигма, ставящая в центр международных взаимодействий человеческую жизнь и названную по имени основателя Международного комитета Красного Креста Анри Дюнан.

ваться как принципиально новая область деятельности, или мы сталкиваемся с продуктом адаптации традиционной дипломатии к вызовам глобализации. С. Турунен указывает на необходимость разграничения реальности и её осмысления, утверждая, что гуманитарная дипломатия – это новый термин, но «старая практика» [Turunen 2020: 460].

В работах, посвящённых гуманитарной дипломатии, отмечалась как теория, так и практика гуманитарной дипломатии. С. Турунен, А. Абенза, Лаури писали о необходимости выработать теорию, чтобы предложить «аналитическую основу для гуманитарной дипломатической практики» [Turunen 2020: 459]. Формирование концепции гуманитарной дипломатии в конце XX – начале XXI века Н. Корнаго, С. Турунен, Х. Смит и другие исследователи связывают с новой формой внутренних конфликтов, характеризующихся эскалацией военных действий и интернационализацией, а также обнаживших ограниченность традиционных дипломатических инструментов для решения гуманитарных проблем [Cornago 2020; Turunen 2020; Smith 2007]. В 2000-х – 2010-х годах регулярно возникали «сложные чрезвычайные ситуации»¹² различного происхождения, которые сопровождались принудительным перемещением или массовым исходом населения, развалом экономик и государственных структур, гражданским противостоянием, эпидемиями, голодом и недоступностью качественного здравоохранения [Cornago 2020: 35–37]. В таких ситуациях гуманитарная дипломатия может включать «давление на правительства с целью поощрения действий в конкретной

кризисной ситуации» и «поощрение международных организаций к своевременному реагированию на кризисы при должном уважении международного права» [Fiott 2018]. Практика переговоров политиков и гуманитарных организаций с целью обеспечения доступа, помощи и защиты гражданских лиц во время конфликтов и чрезвычайных ситуаций привела к появлению концепции гуманитарной дипломатии, которая, по оценке А. Де Лаури, начала «последовательно циркулировать» в начале 2000-х годов¹³.

На фоне многообразия конкретных формулировок в литературе выделяются два принципиальных подхода к определению гуманитарной дипломатии – ограничительный и расширительный. Первый основан на концепции, разработанной Международной Федерацией обществ Красного Креста (МФКК), согласно которой гуманитарная дипломатия – это «убеждение лиц, принимающих решения, и лидеров общественного мнения всегда действовать в интересах уязвимых слоёв населения и при полном уважении основополагающих гуманитарных принципов»¹⁴. Цель гуманитарной дипломатии состоит в предотвращении и облегчении страданий, вызванных конфликтами и насилием, в предоставлении помощи жертвам и распространении норм МГП. Х. Слим подчеркнул, что дипломатию МККК следует рассматривать как побуждение к уважению МГП в вооружённых конфликтах [Slim 2019: 68].

Вместе с тем гуманитарная дипломатия не сводится к деятельности МФКК и МККК. Она осуществляется широким кругом НПО, усилия которых направлены на

¹² Понятие «сложная чрезвычайная ситуация» впервые появилось в Мозамбике в конце 1980-х годов, когда потребовалась помощь перемещённым лицам [Carpi 2020: 57]. Сложные чрезвычайные ситуации с участием нескольких субъектов «обладают исключительной способностью разрушать культурную, гражданскую, политическую и экономическую целостность устоявшихся обществ», указывая на необходимость международного реагирования [Carpi 2020: 57].

¹³ De Lauri A. Humanitarianism: An Overview // Chr. Michelsen Institute (CMI) (2021) [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7782-humanitarianism-an-overview> (accessed: 30.07.2021).

¹⁴ Политика гуманитарной дипломатии. Принята Советом управляющих в Париже в мае 2009 г. URL: <https://www.ifrc.org/en/what-we-do/humanitarian-diplomacy/humanitarian-diplomacy-policy/> (IFRC, 2009) (дата обращения: 29.05.2020).

избавление людей от страданий и решение неотложных проблем жертв кризисов. Основная задача таких организаций, как «Врачи без границ», *Oxfam International*, *CARE International*, состоит в проведении переговоров с международными или национальными игроками, в выполнении функций нейтрального посредника и в оказании помощи, чтобы «голоса жертв вооружённых конфликтов и беспорядков были услышаны» [Harroff-Tavel 2005: 78].

Таким образом, согласно ограничительной концепции, гуманитарная дипломатия — это деятельность специализированных организаций в целях получения от политических и военных властей пространства для проведения переговоров и добросовестного выполнения их функций, опирающаяся на принципы независимости, нейтральности и беспристрастности [Minear, Smith 2007: 1–5; Smith 2007: 36–38; Rousseau, Pende 2020: 254].

Попытки концептуализировать гуманитарную дипломатию как деятельность только специализированных НПО, направленную на спасение жизней и облегчение страданий, не нашли единодушной поддержки в литературе. В исследованиях, основанных на анализе эмпирического материала, рассматриваются области приложения дипломатических усилий, в которые вовлечены государства, представители учреждений ООН, международных неправительственных организаций и институтов гражданского общества.

Широкий категориальный анализ понятия «гуманитарная дипломатия» проводили Х. Смит, Э. Дж. Клементс, Э. Руссо и А. Пенде, С. Турунен, Н. Корнаго и другие исследователи [Smith 2007; Rousseau, Pende 2020; Turunen 2020; Cornago 2020]. В сфере гуманитарной дипломатии, основывающуюся на императиве гуманности, они включили проведение переговоров в интересах человека; защиту детей, женщин и уязвимых групп населения; участие государственных и негосударственных организаций в гуманитарной деятельности с учётом всё более политизированного контекста [Smith 2007: 36; Fiott 2018: 1–10]. В соот-

ветствии с расширительным подходом организации, известные личности, государства и международные институты занимаются гуманитарной дипломатией всякий раз, когда их целью является сохранение человеческого достоинства [Rousseau, Pende 2020: 254]. Гуманитарную дипломатию нельзя сводить только к гуманитарной помощи, она имеет всеобъемлющую миссию [Davutoğlu 2013: 868] и предполагает вмешательство не только в вооружённые конфликты, но и в ситуации, в которых люди уязвимы из-за стихийных бедствий, эпидемий или социальных кризисов [Rousseau, Pende 2020: 254].

Оригинальная классификация была предложена автором одного из самых авторитетных исследований Хейзелом Смитом [Smith 2007: 38–41], который попытался обобщить различные представления о гуманитарной дипломатии с точки зрения целей, функций, методов и вовлечённых в неё субъектов. В качестве аналитического средства он выделил три идеальных типа таких представлений. Первый тип он охарактеризовал как оксюморон ввиду утверждений, что рассматриваемое понятие содержит внутреннее противоречие: гуманитарная работа и дипломатия — два отдельных и порой противоположных вида деятельности. Если целью дипломата выступает обеспечение национальных интересов и безопасности представляемой страны, то гуманитарные сотрудники отдают приоритет человеческой жизни и формированию гуманитарного пространства [Smith 2007: 39].

Второй тип исходит из позиции *здравого смысла* — понимания того, что в современных конфликтах гуманитарная дипломатия стала фактом жизни. Сотрудники гуманитарных организаций вынуждены вести переговоры с правительствами и неправительственными субъектами, используя искусство убеждения и компромисса для достижения своих уставных целей. Наконец, третий идеальный тип представляет гуманитарную дипломатию как необходимое зло, так как субъекты, вовлечённые в зону конфликтов, не могут оставаться

беспристрастными, им приходится подчинять решение гуманитарных задач политическим императивам. Х. Смит подчеркнул, что эти типы не противоречат друг другу, и каждый вносит свой вклад в понимание общей концепции. Описывая её, он определил гуманитарную дипломатию как «продвижение международных интересов мирными средствами» [Smith 2007: 59].

Т.В. Зонова одной из первых среди российских исследователей стала употреблять концепт гуманитарной дипломатии в широком понимании. Его возникновение она связала с событиями XX века, сделав важный вывод о том, что гуманитарная дипломатия, провозгласившая примат прав человека, вышла за традиционные рамки правосубъектности государства, поскольку дипломатические институты взяли на себя обязательства по созданию международных организаций, способных выработать общую волю, направленную на контроль за соблюдением основных прав человека [Зонова 2004: 220].

Прорывом в изучении гуманитарной дипломатии в российском научном дискурсе стала монография Е.С. Громогласовой. В основу этого исследования было положено признание того, что гуманитарная дипломатия является масштабным и сложным компонентом во внешней политике современных государств и международных организаций. Автор попыталась концептуализировать гуманитарную дипломатию через призму глобальных вызовов. Она определила её как ненасильственную составляющую внешней политики, направленную на минимизацию вызовов и на обеспечение безопасности и благополучия человека как биологической и социальной формы жизни [Громогласова 2018: 6]. Особое внимание в исследовании отводится проблеме гуманитарных интервенций, а также связи гуманитарной дипломатии с концепцией «ответственности по защите» (Responsibility to protect, сокращённо R2P) [Громогласова 2018: 54–72].

В указанной концепции нашли отражение идеи *дипломатии принуждения*, сформулированные в работах Александра

Джорджа и проанализированные в содержательной публикации Т.В. Зоновой, посвящённой роли многосторонней дипломатии в урегулировании ливийского конфликта [Зонова 2017: 36]. Исследователи гуманитарной дипломатии отмечают, что дипломатия принуждения, то есть применение или угроза применения силы, — это нежелательный и «слишком тупой инструмент» для достижения гуманитарных целей [Smith 2007: 51].

В ряде публикаций гуманитарная дипломатия рассматривается в неотрывном взаимодействии с дипломатией прав человека [Черных 2016; Mullerson 1997; Barnett 2018; Pease 2020]. Исследователи, изучающие зарождающиеся сферы «дипломатии бедствий» и «дипломатии прав человека», полагают, что гуманитарная дипломатия и дипломатия в области прав человека имеют много общего. Р. Мюллерсон признал, что они тесно взаимосвязаны и порой их трудно отличить друг от друга. Ключевое различие, по его мнению, заключается в том, что гуманитарная дипломатия фокусируется на чрезвычайных ситуациях, а не на изменении законов и практики в рамках правозащитной дипломатии [Mullerson 1997: 2].

Исследователи отмечают возросшее значение политических соображений при принятии решений о предоставлении помощи, что повышает вероятность манипулирования ей. Наиболее заметным является риск того, что гуманизм может оправдать военные действия. Д. Чандлер, Д. Макре и Д. Райфф, указывая на военные кампании на Балканах, в Афганистане и Ираке, утверждают, что основанный на правах человека подход создаёт опасный прецедент, способствуя распространению представлений о том, что гуманизм может обезопасить человечество, предложив более амбициозные, чем прежде, формы защиты [Chandler 2001: 681; Macrae 1998: 309–317; Rieff 2002]. После окончания «холодной войны» универсальная основа гуманитарной и правозащитной деятельности была подорвана и гуманизм превратился в двусмысленное понятие, способное оправдывать военные действия [Gordon, Donini

2015: 107–108]. Используя риторику уязвимости людей, оказавшихся в зонах конфликтов, гуманитарные операции часто сопровождаются военными интервенциями, превращаясь в *гуманитарное вмешательство*, предполагающее активное участие не политико-дипломатических, а профессиональных военных структур [Зонова 2004: 228]. Эта тенденция свидетельствует о провале гуманитарной дипломатии [Smith 2007: 51].

Особое внимание следует уделить соотношению понятий *гуманитарная дипломатия* и *гуманитарное сотрудничество*. В работах отечественных исследователей, посвящённых человеческому измерению международных отношений, применяется термин *международное гуманитарное сотрудничество*, понимаемое как взаимодействие, помогающее сгладить остроту межгосударственных противоречий не только в социокультурной сфере, но и в вопросах политики, экономики и безопасности [Лебедева 2018]. Гуманитарное сотрудничество – это один из способов выражения благожелательности и проявления «мягкой силы», получения и расширения знаний о Другом, а также развития межкультурного диалога и формирования отношений доверия между людьми, проживающими в разных цивилизационных пространствах [Velikaia 2018; Лебедева 2018].

При этом в ряде публикаций понятия *гуманитарное сотрудничество* и *гуманитарная дипломатия* не разделяются, а рассматриваются как разновидность политической коммуникации, основанной на применении инструментов «мягкой силы». Используя широкий подход к определению гуманитарной дипломатии, исследователи включают в неё культурный обмен, распространение национальной культуры, языка, развитие туризма (культурная дипломатия); защиту прав, свобод и достоинства человека; участие в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческую деятельность (дипломатические инструменты, включающие народную дипломатию) [Русакова, Русаков 2017: 66].

Такое широкое толкование, охватывающее различные виды деятельности и инструменты, размывает субстантивное ядро гуманитарной дипломатии. Организации, обеспечивающие доступ к пострадавшему населению, а также оказание ему помощи и защиты, прибегают к сбору и анализу информации, переговорам и другим средствам во взаимодействии не всегда с равноправными партнёрами и обычно в конфликтных и постконфликтных ситуациях, а не в мирных условиях. Им приходится иметь дело не только с официальными государственными органами, но и с их непримиримыми противниками, с представителями вооружённых групп. Трудно назвать сотрудничеством переговоры, например, между МККК и негосударственными вооружёнными группами (НВГ), многие из которых квалифицируются правительствами как террористические, а любые контакты с которыми исключаются в связи с законодательством, предусматривающим уголовную ответственность за взаимодействие с ними [Modirzadeh et al. 2011; Regnier 2011: 83–84].

Д.М. Ковба объясняет мозаичность и нечёткость представлений о гуманитарном измерении дипломатии значительной широтой понятий *гуманитарный*, *гуманитарная деятельность* и *гуманитарное сотрудничество*. Она указала на тонкое различие между акцентом на помощи и уменьшении страданий в английском языке и взаимодействием в области культуры и искусства в русском, а также обозначением наук о культуре, истории и обществе [Ковба 2020: 170]. А. Пентегова и Д. Ковба обратили внимание и на то, что в отечественных исследованиях термин «международное гуманитарное сотрудничество» традиционно подразумевает международные связи в сферах культуры, науки, образования, туризма, спорта с использованием инструментов общественной и публичной дипломатии [Пантегова 2019: 54–60; Ковба 2020: 170]. Для западного научного дискурса характерно понимание гуманитарного сотрудничества как неотложной реакции сил доброй воли на конфликты и бедствия,

а также как гуманитарной помощи населению в вооружённых конфликтных и постконфликтных ситуациях [Пентегова 2019: 55].

Возвращаясь к расширенной концепции гуманитарной дипломатии, заметим, что в последние годы «классическая дунантская парадигма» развивается параллельно с «парадигмой устойчивости» [Nilhorst 2018]. Обе диктуют новые способы видения природы кризисов, гуманитарной системы и масштабов реагирования в районах, подвергающихся рискам. Несмотря на утверждение о центральной роли человечества в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года¹⁵, реальность для миллионов людей в условиях конфликтов, стихийных бедствий или ситуаций хронической нищеты и лишений состоит в том, что им приходится вести ежедневную борьбу за жизнь и достоинство, безопасность, продовольствие, жильё, образование и здравоохранение. Затяжной и трудноразрешимый характер современных войн, перемещение полёв сражений в городскую среду приводят к гибели большого числа гражданских лиц, распространению болезней и разрушению жизненно важной инфраструктуры, что негативно отражается на решении глобальных комплексных задач по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР). Кроме того, число сторон в конфликтах резко возросло, и их различные интересы требуют дипломатических усилий и параллельного участия в переговорах многочисленных субъектов: государств, международных организаций, НПО и отдельных лидеров, обладающих политическим или экономическим влиянием.

Всемирный саммит по гуманитарным вопросам в Стамбуле в 2016 году, ставший кульминацией трёхлетнего процесса дипломатической работы, ознаменовал поворотный пункт в глобальной гуманитарной повестке, провозгласив необходимость увязки гуманитарной деятельности с развитием, миростроительством и разрешением кризисов при соблюдении важнейших принципов: предотвращения и облегчения страданий, защиты жизни и здоровья и обеспечения уважения человеческой личности¹⁶. В докладе Генерального секретаря ООН подчёркивалось, что необходимо переориентировать инструменты и механизмы, в том числе и дипломатические, чтобы одновременно работать над предотвращением кризисов и реагированием на них. Для этого потребуются существенно увеличить потенциал, навыки и численность персонала министерств иностранных дел, занимающихся вопросами предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов, использовать глобальные и региональные форумы для обмена информацией и постоянного мониторинга событий, контактные группы, а также инструменты публичной, религиозной и превентивной дипломатии. Учитывая, что большинство конфликтов носят внутригосударственный характер, важно, чтобы беспристрастные гуманитарные субъекты вступали в диалог с государствами, а также с НВГ в целях укрепления их признания, понимания и выполнения обязательств по МГП и международному праву прав человека (МППЧ)¹⁷.

Участники Всемирного саммита, представляющие 180 государств—членов ООН, 700 НПО, а также структуры гражданского общества, частного сектора и академиче-

¹⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: документ ООН A/RES/70/1 от 21 октября 2015 г. [online]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 20.01.2021).

¹⁶ As World Humanitarian Summit Concludes, Leaders Pledge to Improve Aid Delivery, Move Forward with Agenda for Humanity. World Humanitarian Summit, Round Tables, Special Sessions & Closing. IHA/1401 24 May 2016 // United Nations [online]. URL: <https://www.un.org/press/en/2016/iha1401.doc.htm> (accessed: 30.01.2021).

¹⁷ Единое человечество: общая ответственность. Доклад Генерального секретаря ООН в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам. Документ ООН A/70/709 от 2 февраля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/70/709> (дата обращения: 25.12.2020).

ских кругов, сформулировали более 3,5 тыс. обязательств, направленных на уменьшение человеческих страданий и на преодоление разрыва между оказанием гуманитарной помощи и развитием. Основные положения Повестки дня для человечества, принятой на этом форуме, включали в себя ответственность по изменению жизни людей — от оказания помощи до прекращения нужды, «не оставляя никого позади», в частности посредством сокращения масштабов насильственного перемещения населения, оказания поддержки беженцам и мигрантам, ликвидации пробелов в образовании и борьбы за искоренение сексуального и гендерного насилия. Решение поставленной задачи требует преодоления разрыва между гуманитарной помощью и развитием¹⁸.

Новая модель архитектуры помощи вызвала дискуссию как исследователей, так и практиков о концепции «тройной связи», охватывающей миростроительство, гуманитарное содействие и достижение ЦУР¹⁹ [Guinote 2019: 1051–1066]. «Тройная связь» выражается в совместной работе субъектов гуманитарной деятельности, развития и содействия миру, в диалоге и обмене опытом, анализе ситуаций, в том числе с использованием дипломатических инструментов. Гуманитарным субъектам приходится увязывать чрезвычайную гуманитарную помощь с восстановлением и развитием систем медицинского обслуживания, санитарии, водоснабжения, поиском пропавших без вести лиц. Например,

стремление МККК не только оказать защиту пострадавшим, но и обеспечить устойчивость результатов своей деятельности привело к включению в новую стратегию этой организации цели по обеспечению устойчивого гуманитарного воздействия с использованием инструментов гуманитарной дипломатии²⁰.

После принятия в 2015 г. Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. деятельность МККК связана не только с заботой о раненых и больных на поле боя, посещением лиц, задержанных в связи с вооружёнными конфликтами и иными ситуациями насилия, но и с поддержанием системы здравоохранения и прочих гуманитарных услуг, которые помогают сохранить жизнь людей. На удовлетворение потребностей в области здравоохранения в условиях затяжных конфликтов, климатических катастроф, деградации окружающей среды и эпидемий направлена также Стратегия здравоохранения МККК на 2020–2023 годы²¹. Президент МККК Петер Маурер еще в 2012 г. отмечал, он не может представить будущее организации «без ясного плана действий и самых передовых знаний в области медицинской помощи и предоставления медицинских услуг во время кризиса»²². Пробелы в социальной защите и слабое состояние структур здравоохранения в районах, затронутых вооружёнными конфликтами, отчётливо проявились на фоне разрушительных последствий современной пандемии COVID-19. Совмещая в своей дея-

¹⁸ Post-World Humanitarian Summit: Agenda for Humanity // International Council of Voluntary Agencies [online]. URL: <https://www.icvanetwork.org/world-humanitarian-summit-0>; (accessed: 30.01.2021); <https://agendaforhumanity.org/resources.1.html> (accessed: 30.01.2021).

¹⁹ Hall S. Towards the Triple Nexus. Toolkit on Afghanistan's NPP, SDGs, and Triple Nexus. DACAAR. August 2020. 36 p. Available at: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewi-m5njgaz1AhWTyYsKHa4XAT0QFnoECAIQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.samuelhall.org%2F%2FSDG-Final-Report-_V2.pdf&usq=A0vVaw3UykwcdDvm47GOaQhYlr_a (accessed: 12.01.2022).

²⁰ ICRC Strategy 2019–2022: Institutional strategy. International Committee of the Red Cross. Geneva, 2018. 26 p.

²¹ Health Strategy 2020–2023. Geneva, ICRC, January 2021. 16 p.

²² Интервью с президентом МККК Петером Маурером // Международный журнал Красного Креста. 2012. № 888. Гуманитарные вызовы современности. Избранные статьи. С. 10. [online]. URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/02_maurer_irrc_874-889_selection_2013_rus-2.pdf (accessed: 16.02.2021).

тельности парадигмы «гуманности» и «устойчивости», МККК, как субъект гуманитарной дипломатии, вынужден формировать новые гибкие механизмы партнёрских связей, взаимодействуя с государствами, НПО, учреждениями ООН, инвесторами, международными финансовыми учреждениями, проводя переговоры с особым вниманием к повышению устойчивости общин. В частности, партнёрство со Всемирным банком позволило МККК разработать новые финансовые инструменты, необходимые для выполнения цели по устойчивому гуманитарному воздействию [Guinote 2019: 1057].

Таким образом, анализ контуров формирующейся концепции гуманитарной дипломатии показывает, что в современных условиях происходит универсализация её понимания в русле расширительного подхода. Каркасом концепции являются основополагающие принципы гуманности, беспристрастности, нейтралитета и независимости. Наряду с ними в концепцию гуманитарной дипломатии вплетаются принципы *уважения прав и свобод человека, обязанности защищать и помогать, а также предоставления гуманитарной долгосрочной помощи в целях устойчивого развития*, которые рассматриваются как универсальные. При этом интерпретация и реализация принципа *защиты прав человека* не могут зависеть от национального эгоизма и не должны провоцировать столкновение политических интересов государств. Для того чтобы нивелировать ущерб, который может быть нанесён политизацией гуманитарной деятельности, необходимо подтверждать и соблюдать основополагающие гуманитарные принципы. Следует также отметить, что помощь в целях развития направлена не только на реализацию долгосрочных проектов по достижению ЦУР и удовлетворение гуманитарных потребностей, но и на снижение рисков уязвимости.

Область действия, приоритеты и инструменты гуманитарной дипломатии

Значительный интерес исследователей вызывают инструменты гуманитарной дипломатии. В поисках эффективных средств они пытаются выяснить, какие традиционные черты она сохраняет и какой новый инструментарий использует. Г. Никольсон показал, что дипломатия, имеющая по своей природе мирный характер, — это не выработка политики, а переговоры о её реализации, направленные на убеждение и поиск компромисса [Никольсон 1941: 20]. При этом дипломат выполняет три основные функции: представительство, коммуникацию (информацию и наблюдение) и переговоры. Исследователи, изучая природу гуманитарной дипломатии, отмечают, что её субъекты также используют инструменты традиционной дипломатии: собирают информацию, проводят пропагандистскую работу в интересах достижения гуманитарных целей и защиты прав человека, вступают в диалог и убеждают лиц, принимающих решения, взаимодействуют со СМИ, чтобы обеспечить осведомлённость общественности о ситуациях, в которые они вовлечены. Специалисты подчёркивают, что умение вести переговоры — важнейший навык в гуманитарной работе. Кроме того, традиционные способы дополняются современными методами — использованием информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей, а также инструментами публичной дипломатии [Leira 2016: 35]. Например, А. Абенза выделил политико-гуманитарное (установление контактов, переговоры и поиск компромиссов) и информационно-пропагандистское (отстаивание МГП и гуманитарных принципов) направления гуманитарной дипломатии²³. Следует также отметить её правовой фундамент. Если в основе традиционной дипломатии лежит дипломатическое и консульское право, то гуманитарная базируется также на нормах МГП,

²³ Abenza O.A. Conceptualización de la diplomacia humanitaria y su papel en las crisis humanitarias de Oriente Medio [online]. URL: <https://iecah.org/images/DocuOmar1.compressed.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

международного права беженцев и МППЧ, образуя своеобразный «гуманитарный интернационал».

М. Кларк, проведя полевые исследования и серию интервью с сотрудниками гуманитарных организаций, участвовавших в том числе в преодолении последствий землетрясения в Гаити в 2010 году, выяснил, что основной частью их работы выступало выстраивание диалога и ведение переговоров, что привело к включению этих функций в их должностные обязанности. Он указал на необходимость разработки общего подхода к практической реализации гуманитарной дипломатии, который должен распространяться и на государства. Все гуманитарные организации должны быть вовлечены в дипломатию на национальном и глобальном уровнях, не передавая её на аутсорсинг одному конкретному субъекту, даже такому авторитетному, как МККК [Clark 2018].

Исследование Э. Дж. Клементса, базирующееся на изучении йеменского движения хуситов и армии независимости в Мьянме, позволило ему сделать вывод о важной политической роли сотрудников гуманитарных организаций, действующих в современных конфликтах, об их влиянии на риторику и действия государств, негосударственных субъектов и многосторонних институтов. В сложных условиях, как, например, в Йемене, гуманитарный персонал выступает единственным представителем международного сообщества, которое остаётся после вывода сотрудников дипломатического корпуса и вытеснения журналистов. В связи с этим гуманитарные субъекты играют важную роль в выявлении проблем, формировании представлений о конфликте и его последствиях, предлагая политические способы их преодоления

[Clements 2018]. Исследователи неоднократно обращали внимание на выступления представителей НПО в Совете Безопасности ООН [Лебедева, Устинова 2020: 140]. Как заметил Дж. Уайзмэн, «НПО вторглись в Совет Безопасности» [Wiseman 2015: 333]. Воспользовавшись статьёй 30 Устава ООН, СБ ООН установил процедуру «по формуле Аррии»²⁴, в рамках которой проводятся консультации с участием представителей общественности. Начиная с 1992 г. СБ ООН регулярно проводит подобные встречи с участием дипломатов, должностных лиц международных организаций, НПО, академических кругов, обсуждая такие вопросы, как права человека в ходе конфликтов, защита женщин и детей, ответственность за сексуальное насилие, положение инвалидов в вооружённых конфликтах, права меньшинств, экология, борьба с терроризмом. Например, 7 мая 2021 г. в СБ ООН прошло заседание по формуле Аррии, посвящённое влиянию пандемии COVID-19 на нарушения прав детей в ситуациях вооружённого конфликта. В обсуждении участвовали представители органов ООН, занимающихся защитой детей, осуществлением Миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго, сотрудники Управления чрезвычайных программ Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и региональный директор неправительственной организации «Спасение детей»²⁵. В заседании 11 августа 2021 г. наряду с членами СБ ООН вопросы гуманитарной деятельности и преодоления трудностей в ситуациях вооружённых конфликтов и контртеррористических операций обсуждали представители Управления по координации гуманитарных вопросов ООН и Управления ООН по борьбе с терроризмом, комиссар Африканского союза

²⁴ Институционализация неформальных совещаний и консультаций членов СБ ООН с представителями общественности связана с инициативой посла Венесуэлы Диего Арриа, занимавшего в 1992 г. пост председателя Совета Безопасности. Начиная с 1992 г. СБ ООН провел 311 встреч по «формуле Аррии». URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-security-council-working-methods/arria-formula-meetings.php> (дата обращения: 01.08.2020).

²⁵ Arria-Formula Meetings [online]. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFC9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/working_methods_arria_formula_meetings.pdf (accessed: 31.07.2020).

по политическим вопросам, миру и безопасности, а также директор отдела по международному праву и политике МККК, в ведении которого находятся вопросы гуманитарной дипломатии²⁶.

Как отмечалось выше, гуманитарная дипломатия тесно связана с приоритетной для ООН миротворческой деятельностью. Внимание СБ ООН сконцентрировано на чрезвычайных ситуациях и предоставлении постоянного доступа к гуманитарной помощи и защите на национальном и локальном уровнях²⁷. Например, резолюция № 2533 СБ ООН предусматривала гуманитарный доступ через линии противостояния и внешние границы Сирии²⁸. Далее эти цели реализуются в дипломатической практике на местах. Переговоры о доступе, о прекращении огня, о строительстве гуманитарных коридоров и соблюдении МГП происходят на всех уровнях: от контактов с полевыми командирами на линии фронта до гуманитарного воздействия на уровне глобального управления²⁹. При этом Э.Дж. Клементс показал, что на низовом (локальном) уровне «стол переговоров» может иногда состоять из баррикад на контрольно-пропускном пункте³⁰.

Исследователи обращают внимание на вызовы, связанные с условиями, в которых приходится работать гуманитарным субъ-

ектам. Прежде всего это проблема доступа для оказания помощи во время внутренних вооружённых конфликтов, число которых значительно выросло в начале XXI века. По данным на конец 2021 г., в мире насчитывалось 57 продолжающихся вооружённых конфликтов между двумя и более вооружёнными правительственными и неправительственными группами³¹. Самые кровопролитные войны XXI в. пришлось пережить Сирии, Судану, Ираку, Афганистану, восточной части Украины, Йемену. В конфликты в Сьерра-Леоне, Ливии, Афганистане, Южном Судане, Сирии вовлечены разные типы субъектов, в том числе и незаконные вооружённые группировки. Их увеличение стало центральной чертой меняющегося политического ландшафта 2010-х годов. В некоторых случаях аналитики наблюдали сотни, если не тысячи групп, вовлечённых в вооружённое насилие [Colombo, Calvento, Di Megilo 2014: 68]. Агрессивные негосударственные группировки применяют стратегии, грубо нарушающие принципы ООН и МГП, совершают грабежи и насилие в отношении гуманитарного персонала [Bastos 2015]. Зачастую и правительства, вовлечённые в конфликты, не соблюдают международное право. Всё это порождает проблемы этического и юридического характера,

²⁶ Overcoming Challenges in Situations of Armed Conflict and Counter-Terrorism Operations – Security Council Arria Formula Meeting, 11 Aug. 2021. Security Council United Nations [online]. URL: <https://media.un.org/en/asset/k1p/k1pikud42f> (accessed: 25.08.2021).

²⁷ Turunen S. Protection of Civilians and Humanitarian Diplomacy: How Operational and Policy Ends Influence One Another and How to Navigate this Relationship through Humanitarian Diplomacy // CMI. CHR. Michelsen Insitute. Feb 2021 [online]. ERL: <https://www.cmi.no/publications/7457-protection-of-civilians-norway-in-the-security-council-pdf> (accessed: 23.05.2021).

²⁸ Резолюция 2533 (2020), принятая Советом Безопасности 11 июля 2020 года. S/Res 2533 (2020) // Резолюции Совета Безопасности ООН 2020 года. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2533\(2020\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2533(2020)) (дата обращения: 20.02.2021).

²⁹ De Lauri A., Turunen S. The time of the humanitarian diplomat // Norwegian Centre for Humanitarian Studies [online]. URL: <https://www.humanitarianstudies.no/2021/07/06/the-time-of-the-humanitarian-diplomat/> (accessed: 06.07.2021).

³⁰ Clements A.J. Getting armed groups to the negotiating table // CMI Brief no. 2020:10 [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7425-getting-armed-groups-to-the-negotiating-table> (accessed: 10.10.2020).

³¹ The Armed Conflict Location & Event Data // Disaggregated Data Collection, Analysis & Crisis Mapping Platform [online]. URL: <https://acleddata.com/#/dashboard> (accessed: 30.12.2021). По данным ООН, в современных конфликтах до 90 % жертв составляют гражданские лица, в основном женщины и дети (Peace and Security // United Nations. [online]. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/peace-and-security> (accessed: 30.12.2021)).

делая гуманитарную работу сложной и небезопасной.

Как отмечалось выше, государства могут создавать препятствия для доступа на территории, на которых действуют НВГ. Для гуманитарных субъектов важно, чтобы государства не считали незаконными переговоры и любые другие контакты с НВГ. Гуманитарные организации отстаивают право вести диалог с негосударственными вооружёнными группировками, чтобы заручиться согласием сторон конфликта на безопасное предоставление помощи и защиты гражданских лиц [Clements 2020]. Как заявила вице-президент МККК Кристина Берли, благодаря наличию у её организации контактов со всеми сторонами в конфликте — с представителями государственной власти и с различными НВГ — сотрудники могут находиться в зоне конфликта. Например, в 2019 г. эта организация взаимодействовала с более чем 400 вооружёнными группами по всему миру. В Йемене, где воюет большое количество вооружённых групп, только МККК и «Врачи без границ» благодаря хорошей сети контактов могут работать³².

Для преодоления проблем при проведении переговоров сотрудники гуманитарных НПО часто используют третью сторону для давления на вооружённые группы. В частности, СБ ООН ввёл целенаправлен-

ные санкции в отношении лидеров вооружённых группировок, которые обвиняются в том, что они препятствуют гуманитарному доступу в Йемене, Южном Судане и Мали³³. Стимул НВГ к участию в переговорах, как отмечает А. Клементс, связан с их потребностью в легитимности. Например, Талибан³⁴, ливанская «Хизбалла» и «Аш-Шебааб»³⁵ использовали пандемию COVID-19 для того, чтобы добиться большей политической легитимности. Поддерживая здравоохранение и демонстрируя способность служить интересам населения, они предоставляли доступ и гарантии безопасности гуманитарным учреждениям³⁶. К. Кларк назвал такие группировки «вчерашними террористами» и поставщиками общественного здравоохранения³⁷.

В настоящее время отмечается тенденция признания переговоров с НВГ законной практикой, являющейся неотъемлемой частью гуманитарной деятельности. В этой связи в ООН была сформирована группа для укрепления сотрудничества по вопросам безопасности персонала организации и НПО. Последним отводилась важная роль в достижении договорённостей о гуманитарных коридорах, и в том, чтобы «посадить противоборствующие стороны за стол переговоров»³⁸. Исследователи признают социализирующую силу дипломатии, которая может трансформировать по-

³² Диалог со всеми сторонами конфликта: преступление или достижение? // International Committee of the Red Cross (ICRC). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vzuOJWr6UC4> (дата обращения: 10.05.2021).

³³ Комитет Совета Безопасности, учреждённый резолюцией 2140 (2014) // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/2140> (дата обращения: 21.05.21); Комитет Совета Безопасности, учреждённый резолюцией 2206 (2015) по Южному Судану // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/2206> (дата обращения: 21.05.21); Резолюция 2374 (2017), принятая Советом Безопасности. S/RES/2374 (2017) // Совет Безопасности ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/2374%282017%29> (дата обращения: 21.05.21).

³⁴ Запрещённая в России террористическая организация.

³⁵ Запрещённая в России террористическая организация.

³⁶ Clements A.J. Getting armed groups to the negotiating table // CMI Brief no. 2020:10 [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7425-getting-armed-groups-to-the-negotiating-table> (accessed: 10.10.2020).

³⁷ Clarke C.P. Yesterday's Terrorists Are Today's Public Health Providers // Foreign Policy, 8 April 2020 [online]. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/08/terrorists-nonstate-ungoverned-health-providers-coronavirus-pandemic/> (accessed: 10.12.2021).

³⁸ United Nations. Security Council. S/2001/331. Report of the Secretary-General to the Security Council on the protection of civilians in armed conflict [online]. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/Disarm%20S2001331.pdf> (accessed: 10.07.2020).

ведение участников конфликтов в более цивилизованное и гуманное [Sharp 2003], а взаимодействие с НВГ — перевести конфликт в ненасильственную форму [Toros 2008: 413–414]. В зарубежной литературе распространено мнение, что вовлечение противника в переговоры может остановить применение силы. Руководство по гуманитарным переговорам, подготовленное Центром гуманитарного диалога, содержит характеристику такого взаимодействия: «международное право обязывает правительства предоставлять людям, проживающим на территории, находящейся под их контролем, доступ к помощи и защите». В тех случаях, когда они не выполняют свои обязательства, «гуманитарные действия направлены на предотвращение, ограничение и прекращение нарушений» [Mancini-Grifolli, Picot 2004: 11].

Анализируя направления гуманитарной дипломатии, большинство исследователей отмечают, что она не сводится только к переговорам. Например, неправительственные игроки могут участвовать в подготовке международных договоров [Ryfman 2010: 573]. Эту практику иллюстрирует принятие в Латинской Америке Картагенской декларации о беженцах 1984 г. и документов, развивающих её идеи, — Декларации Сан-Хосе (1999,) Мексиканской декларации (2004) и Бразильской декларации (2014). Они были разработаны при активном участии научных экспертов, НПО и Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН, служа примером отхода от классического механизма межправительственных переговоров и формирования нового типа гибридной дипломатии, предполагающей скоординированное многостороннее взаимодействие в гуманитарной сфере [Barichello 2012]. По мнению

Д. Хилхорст, Глобальный договор о беженцах 2018 года, фокусирующийся на содействии устойчивости беженцев и на поиске согласованных решений их проблем усилиями государств, Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН и НПО, также свидетельствует о новом типе дипломатии и переходе от классического гуманизма к гуманизму устойчивости [Hilhorst 2018: 6].

Повседневная гуманитарная дипломатия может быть связана, например, с практикой сопровождения лиц, пересекающих границу. Эта форма воздействия направлена на поддержку мигрантов и беженцев вдоль границ в зонах конфликтов и в послевоенной обстановке. К. Мугуруса изучила деятельность международных неправительственных католических организаций по делам беженцев *Jesuit Migrant Service (JMS)* и *Jesuit Refugee Service (JRS)* как пример повседневной гуманитарной дипломатии по защите прав перемещённых лиц и лиц, пересекающих границу. Миссии JMS и JRS ведут переговоры с национальными и международными политическими структурами. К. Мугуруса убеждена, что представление интересов наиболее уязвимых лиц представляет собой форму гуманитарной дипломатии в широком смысле³⁹. Возглавляющий Норвежский совет по делам беженцев Я. Эгеллан считает, что его организация осуществляет гуманитарную дипломатию, устанавливая по миллиону контактов в год в 30 странах⁴⁰. Как подчеркнула заместитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев Келли Клементс, цель гуманитарной дипломатии заключается в защите, оказании помощи и поиске решений для беженцев, внутренне перемещённых лиц и лиц без гражданства⁴¹.

³⁹ Muguruza C.C. Everyday humanitarian diplomacy: Experiences from border areas // CMI: CHR. Michelsen Institute [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7171-everyday-humanitarian-diplomacy-experiences-from-border-areas> (accessed: 10.05.2021).

⁴⁰ Humanitarian Diplomacy: Interview with Jan Egeland [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7373-humanitarian-diplomacy-interview-with-jan-egeland> (accessed: 10.05.2021).

⁴¹ Humanitarian Diplomacy: An experienced practitioner addresses today's unprecedented challenges. Q&A With Kelly Clements, Deputy High Commissioner for Refugees. URL: <https://afsa.org/humanitarian-diplomacy> (accessed: 17.07.2021).

Дж. Уайзман описал систематическое взаимодействие между государственными структурами и негосударственными представителями как третье измерение дипломатии, которое он назвал «полилатерализмом» [Wiseman 2004; 24–39]. Концепция полилатеральной дипломатии даёт рамки, с помощью которых можно анализировать поведение НПО по отношению к государству как составляющую новой формы дипломатии [Spies 2019]. Материалы исследований событий в Камбодже, Ливане и Сьерра-Леоне показывают, как гуманитарные учреждения вступают в переговоры с самыми высокопоставленными политиками, порой оказывая влияние на ход конфликта, а интерес США или государств-членов ЕС к гуманитарной деятельности в странах, переживающих конфликты, говорит о том, что её трудно полностью отделить от «сферы высокой политики» [Smith 2007: 37]. Х. Смит пришёл к выводу, что, с одной стороны, практика гуманитарной дипломатии могла бы извлечь пользу из систематизированного использования методов, свойственных дипломатии в целом, а с другой — успешные примеры деятельности гуманитарных учреждений могут научить государственную дипломатию использовать умение договариваться с теми, с кем они могут не разделять ценности и интересы, убеждать, искать и получать решения с «ненулевой суммой» в конфликтах, считающихся неразрешимыми [Smith 2007: 42, 50]. Гуманитарная дипломатия стала необходимой из-за неспособности традиционных дипломатов адекватно решать возникающие проблемы, поскольку они не всегда имеют возможности справиться с современными глобальными вызовами, а участники гуманитарных переговоров становятся всё более влиятельными дипломатическими субъектами.

Основные акторы гуманитарной дипломатии

В имеющихся публикациях представлена широкая панорама субъектов, которых авторы относят к категории «гуманитарных дипломатов». Как отмечается, «диплома-

тия приобрела невиданную ранее сложность», особенно с появлением «множества новых дипломатов — частных корпораций, гуманитарных организаций и транснациональных политических игроков, которые действуют сверху, снизу и параллельно государству» [Constantinou, Kerr, Sharp 2016: 6].

Ключевым игроком на гуманитарном поле по-прежнему выступает МККК. Его субъектность определяется мандатом, возложенным государствами-участниками Женевских конвенций 1949 года. Он наделяет МККК функциональной международной правосубъектностью, которая позволяет ему иметь дипломатический статус: освобождение от налогов и пошлин, неприкосновенность помещений и документов, иммунитет от юрисдикции, статус наблюдателя в ГА ООН, отсутствие обязанности давать показания в судах. Вместе с тем эта международная правосубъектность ограничивается функциями по оказанию чрезвычайной помощи жертвам конфликтов и их защите. Они включают в себя ряд мероприятий в сферах здравоохранения и санитарии, продовольствия, безопасности, поиска пропавших без вести и др. При их реализации МККК использует убеждение посредством осторожных и конфиденциальных переговоров [Harroff-Tavel 2005: 78].

Ещё одним активным игроком современной гуманитарной дипломатии выступает ООН. Гуманитарную помощь оказывают УВКБ ООН, Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ ООН), ЮНИСЕФ, Программа развития ООН, Всемирная продовольственная программа, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), сотрудники которых действительно можно назвать «гуманитарными дипломатами», поскольку они имеют дипломатический иммунитет и могут вести переговоры. В 1991 г. организация гуманитарной деятельности в рамках ООН стала более институционализированной благодаря созданию Управления по координации гуманитарных вопросов (УКГВ). Оно даёт наиболее яркий пример внедрения

гуманитарных целей и практик в институты ООН. В 2005 г. УКГВ выступило с инициативой гуманитарной реформы. Предлагалось укрепить роль Управления в качестве органа, отвечающего за общую организацию глобальной гуманитарной системы в целях максимальной синергии и взаимодействия между различными субъектами. Кроме того, для реагирования планировалось создать кластерный механизм ООН, состоящий из тематических групп с участием учреждений ООН, МККК, международных организаций и НПО по таким направлениям, как продовольственная безопасность, раннее восстановление, аварийные приюты, питание, вода, санитария, гигиена, здравоохранение, образование и др. [Colombo, Calvento, Di Megilo 2014: 45].

Таким образом, в XXI веке сформировался международный гуманитарный комплекс, охватывающий совокупность мер по оказанию помощи жертвам вооружённых конфликтов, стихийных бедствий или антропогенных катастроф. Эти меры направлены на облегчение страданий, обеспечение средств к существованию, защиту основных прав и достоинства уязвимых групп, а иногда и на замедление процесса социально-экономической деструктуризации общества. ООН превратилась в пространство для обсуждения и принятия решений, а также сотрудничества между государствами-членами по таким важным вопросам, как международный мир и безопасность, МГП, экономическое и социальное развитие, гуманитарные вопросы и права человека.

Наряду с сотрудниками гуманитарных организаций в политическом диалоге участвуют представители бизнеса, журналисты, священнослужители различных конфессий [Крашенинникова 2019]. Они оказываются втянутыми как в международ-

ные, так и во внутренние конфликты [Smith 2007: 36].

Употребление термина «гуманитарная дипломатия» имеет отношение не только к организациям гражданского общества и учреждениям ООН. Оно всё активнее используется государствами одновременно с ростом гуманитарной помощи в мировом масштабе⁴². Гуманитарная дипломатия государств и интеграционных объединений вызывает пристальный интерес исследователей [Громогласова 2018: 41–51; Богатырева и др. 2018; O’Hagan 2016; Dobrowolska-Polak 2014; Davutoğlu 2013; Brisk 2009: 20–22; Marcos 2020: 65–78]. Авторы попытались выделить национальные и региональные модели гуманитарной дипломатии. Е.С. Громогласова, проанализировав деятельность США, Австралии, Японии, Канады, государств-членов ЕС и стран группы БРИКС, сделала вывод, что гуманитарная дипломатия этих государств «является средством укрепления их международных позиций, а в ряде случаев и шагом к достижению регионального лидерства с помощью “мягкосиловых” средств» [Громогласова 2018: 53]. Дж. О’Хаган отметила, что гуманитарная дипломатия как элемент внешней политики даёт государствам возможность выразить международную эмпатию и солидарность, может повысить репутацию государства и предоставить ценные средства для построения отношений доверия и сотрудничества. Вместе с тем включение гуманитарной дипломатии во внешнюю политику может привести к конфликту из-за противоречий между гуманитарными целями и более широкими национальными интересами. Классическим примером такого диссонанса стала противоречивая позиция государств в отношении приёма беженцев. Например, в 2013 г. Австралия приняла жёсткие меры в отношении вынужденных

⁴² По прогнозам УКГВ ООН, в 2022 г. 274 млн человек будут нуждаться в гуманитарной помощи и защите. Это значительно больше, чем 235 млн человек в 2021 году, что уже являлось самым высоким показателем за два десятилетия. ООН и организации-партнёры намерены оказать помощь 183 млн наиболее нуждающимся в 63 странах, что потребует 41 млрд долларов. В 2021 г. УКГВ намеревался оказать помощь 160 млн человек из 56 стран (Global Humanitarian Overview 2022 // OCHA Services [online]. URL: <https://gho.unocha.org/> (accessed: 30.12.2021)).

мигрантов. Прибывшие в страну искатели убежища отправлялись в специальные лагеря без рассмотрения ходатайств о предоставлении статуса беженцев. Такая политика в отношении лиц, ищущих убежище, привела к тому, что был поставлен вопрос о возможности Австралии получить место в Совете по правам человека ООН [O'Hagan 2016: 666]. В связи с возможностью такого конфликта Дж. О'Хаган предложила проводить различие между гуманитарной дипломатией и гуманизмом⁴³ как дипломатией (*humanitarian diplomacy* и *humanitarianism as diplomacy*), поскольку гуманитарная дипломатия находится «на стыке двух ключевых концепций и практик в мировой политике: гуманности и дипломатии» [O'Hagan 2016: 657–659]. А. Де Лаури отметил, что в гуманитарную дипломатию государств «заложена значительная напряжённость»: публичный образ гуманитарной деятельности связан с работой во имя общечеловеческих принципов, невзирая на интересы отдельных политических субъектов⁴⁴.

Гуманитарная дипломатия иногда используется с ненадлежащими целями, в качестве инструмента реализации силовой стратегии. Под предложением обеспечения безопасности человека государства совершают вооружённые интервенции. Например, когда в Кот-д'Ивуаре после президентских выборов 2010 г. возобновилась гражданская война, начались массовые акции протеста и противостояние между сторонниками двух президентов, между христианами и мусульманами, Никола

Саркози, занимавший пост премьер-министра Франции, отдал приказ о вооружённой интервенции в этой стране под предлогом обеспечения безопасности человека. В средствах массовой информации это было описано как гуманитарная интервенция и гуманитарные переговоры, тогда как, по мнению А. Абензы, это больше отвечало политико-экономическим интересам французского правительства⁴⁵. Подобная стратегия иллюстрирует секьюритизацию гуманитарной деятельности, что становится одной из проблем современной гуманитарной дипломатии.

Выясняя стимулы участия государств в гуманитарной дипломатии, исследователи отмечают, что она даёт возможности для укрепления отношений и создания основы для сотрудничества, в том числе и между противоборствующими сторонами [Громогласова 2018: 41–51; Богатырева и др. 2018; O'Hagan 2016; Dobrowolska-Polak 2014; Davutoğlu 2013; Brisk 2009: 20–22; Marcos 2020: 65–78]. Тем не менее чаще всего цели гуманитарной дипломатии зависят от проводимой государством внешней политики. Гуманитарная помощь, оказываемая правительствами, может быть не самоцелью, а способом поддержания и укрепления безопасности, а также урегулирования региональных конфликтов.

В ряду случаев действия государств определяются статусными мотивами. Как показал А. Давутоглу, идентичность Турции как гуманитарного игрока является важной частью её международного имиджа ответ-

⁴³ Дж. О'Хаган полагает, что гуманизм в дипломатии выражается в защите и продвижении интересов государства, тогда как гуманитарная дипломатия включает действия государств, предпринимаемые для обеспечения максимальной поддержки гуманитарных операций. Разница заключается в императивах, которые побуждают к действию: предпринимаются ли эти действия в интересах тех, кто нуждается в помощи (гуманитарная дипломатия), или же самого государства (гуманизм). Эти два понятия зачастую дополняют друг друга и тесно переплетаются, но концептуально они вызваны различными интересами.

⁴⁴ De Lauri A. Humanitarianism: An Overview. 2021 // Chr. Michelsen Institute [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7782-humanitarianism-an-overview> (accessed: 10.07.2020).

⁴⁵ См.: Ivory Coast: Fall of a despot Editorial // The Guardian. Tue 12 Apr. 2011 [online]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/apr/12/editorial-ivory-coast-gbagbo-france> (accessed: 21.08.2021); Мясников В. Французы закончили гражданскую войну в Кот-д'Ивуаре. Решающий вклад в победу Уаттары внесли французские войска // Независимое военное обозрение. Интернет-версия. 29.04.2011. [online]. URL: https://nvo.ng.ru/wars/2011-04-29/11_cote_d_ivoir.html (accessed: 21.08.2021).

ственного государства [Davutoğlu 2016: 115–116]. В последние годы наряду с оказанием гуманитарной помощи в традиционном понимании (продовольствие, лекарства) Турция наращивает свою технологическую помощь развивающимся странам в контексте концепции устойчивого развития. Профессор Т. Огузлу отмечает, что гуманитарная дипломатия Турции, как и ряда других государств, концептуально делится на две группы: 1) помощь в целях развития с акцентом на экономическом содействии и 2) гуманитарную помощь для преодоления последствий войн и стихийных бедствий⁴⁶. При этом вторая категория существенно доминирует над первой по объёму государственного финансирования. Таким образом, на гуманитарную помощь выделяется около 1% ВВП Турции. Это превышает аналогичные расходы бюджетов, например, США и Германии. Помимо экономических мотивов выбор получателей помощи определяется культурно-цивилизационным сходством, с одной стороны, и религиозной близостью, с другой стороны. Географический охват помощи отражает историческую принадлежность территорий Османской империи или этническую близость проживающего населения и объясняется идеологическими концепциями: концепцией предопределения в исламе («география как судьба»), связью добрых отношений между народами на заданной территории («география сердца») и «географией памяти», относящейся к территории бывшей Османской империи⁴⁷.

Как показал Д. Гекалп, в ОАЭ филантропия, благотворительность и гуманитарная

деятельность также имеют цивилизационный фундамент, произрастают из исламской философии и культуры дарения и сострадания и определяют государственную идентичность ОАЭ на международном уровне. Гуманизм был выделен в 1970-х годах отцом-основателем государства шейхом Зайедом бен Султаном Аль-Нахайяном в качестве важного аспекта национальной идентичности. Стех порон был институционализирован как гуманитарная дипломатия, став частью внешней политики ОАЭ⁴⁸.

Катар проводит комбинированную гуманитарную дипломатию, включающую поддержку мирных переговоров с активным использованием гуманитарной помощи и помощи в целях развития в сотрудничестве с ЮНЕСКО, УВКБ ООН, ВОЗ и Норвежским советом по делам беженцев. За активное участие Катара в региональном посредничестве в Судане, Ливане, Йемене, Сирии и других странах аналитики назвали его «безостановочным посредником»⁴⁹.

Е.С. Громогласова установила, что государства группы БРИКС, реализуя альтернативные подходы к гуманитарной дипломатии, подчиняют их стратегическим национальным интересам и не всегда ориентируются на укрепление устойчивости глобальной системы [Громогласова 2018: 46–50, 98].

Анализ государственных стратегических документов по гуманитарным вопросам, многие из которых были подготовлены перед Всемирным гуманитарным саммитом в Стамбуле 2016 года, позволил исследователям выделить четыре подхода к гуманитар-

⁴⁶ Making sense of Turkey's humanitarian diplomacy in the context of emerging poly-centric world order: Analytical memorandum. Expert online seminar 13.04.2021 [online]. URL: https://cceis.hse.ru/data/2021/04/19/1376681519/Analytical%20memorandum_13%20April.pdf (accessed: 20.04.2021); Гуманитарная дипломатия Турции в формирующемся полицентричном мировом порядке. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ItYclpo_bUU (accessed: 20.04.2021).

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Gökalp D. The UAE's Humanitarian Diplomacy: Claiming State Sovereignty, Regional Leverage and International Recognition. Bergen: Chr. Michelsen Institute (CMI Working Paper WP 2020:1) [online]. URL: <https://www.cmi.no/publications/7169-the-uaes-humanitarian-diplomacy-claiming-state-sovereignty> (accessed: 07.07.2021).

⁴⁹ Barakat S. The Qatari spring: Qatar's emerging role in peacemaking. Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States. London School of Economics and Political Science, London, UK. 2012 [online]. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/59266/> (accessed: 07.07.2020).

ной дипломатии. Первый подход связан со взятыми государством обязательствами по международному праву, общепризнанными международными нормами и принципами: гуманитарными принципами Устава ООН и соглашениями по правам человека. Второй — определяется отстаиванием уважения МГП и гуманитарных принципов на различных форумах. Третий подход предполагает использование гуманитарной дипломатии для координации и диалога между разными субъектами международных отношений. Четвёртый подход увязывает это понятие с работой на местах и получением доступа к пострадавшим общинам посредством переговоров. Довольно часто в государственных документах гуманитарная дипломатия связана с развитием и достижением ЦУР [Marcos 2020: 73].

Обобщая исследования, в которых затрагивается специфика национальных моделей, можно выделить следующие направления гуманитарной дипломатии государств: 1) оказание гуманитарной и экономической помощи; 2) защита гражданского населения в регионах, переживающих войны, эпидемии и стихийные бедствия; 3) миростроительство и восстановление социальности в конфликтных зонах современного мира; 4) обеспечение людей продовольствием в регионах с тяжёлой гуманитарной ситуацией; 5) борьба с эпидемиями, включая эпидемию ВИЧ/СПИД и пандемию COVID-19; 6) списание долгов беднейшим странам; 7) защита беженцев и политика репатриации; 8) миротворчество и гуманитарное присутствие в зонах нестабильности и открытых вооружённых конфликтов; 9) участие в разработке международных договоров и продвижение знаний о гуманитарных принципах и МГП; 10) диалог с государствами в регионах, подверженных риску стихийных бедствий и вооружённых конфликтов; 11) защита детей в вооружённых конфликтах совместно с ЮНИСЕФ; 12) обеспечение соблюдения сторонами вооружённых конфликтов норм МГП, особенно в киберпространстве.

Проведённый анализ показал, что глобальные гуманитарные проблемы можно

решить только совместными усилиями государственных и негосударственных акторов. Затяжные вооружённые конфликты, массовые потоки беженцев, пандемия COVID-19 потребовали расширения гуманитарных субъектов, а также роста гуманитарных обязательств государственной дипломатии. Это свидетельствует о профессионализации международной гуманитарной сферы, акторы которой используют традиционные дипломатические средства — диалог, переговоры и достижение компромисса — для расширения гуманитарного пространства. Поле деятельности негосударственных гуманитарных субъектов, помимо переговоров, включает также гуманитарно-политическую адвокацию, то есть представительство и защиту прав жертв конфликтов и кризисов. При этом следует отметить, что негосударственные акторы обладают большей политической независимостью в отличие от государственных гуманитарных субъектов. Гуманитарная дипломатия государств, *во-первых*, является важной составляющей «мягкой силы», имея собственное неповторимое «лицо». *Во-вторых*, оказание помощи пострадавшим территориям и защита уязвимых лиц за пределами своих государственных границ зависят не только от внешнеполитического курса, но и от взятых универсальных международных обязательств по уменьшению чрезмерных страданий людей и нарушения их прав, а также могут быть обусловлены культурно-цивилизационными традициями.

Гуманитарная дипломатия сформировалась как самостоятельное направление дипломатической деятельности, сосредоточенное на вопросах защиты и помощи населению в условиях как природных, так и антропогенных катастроф. Примеры гуманитарных кризисов, вызванных стихийными бедствиями и ростом внутренних вооружённых конфликтов, носящих затяжной характер и отягчённых пандемией COVID-19, подтверждают вклад гуманитарной дипломатии как вид транснацио-

нальной публичной деятельности, способствующей взаимодействию многообразных субъектов для достижения результатов по защите и оказанию помощи пострадавшему населению. Несмотря на этические, правовые и оперативные проблемы, с которыми сталкивается гуманитарная дипломатия, она выступает эффективным инструментом по созданию гуманитарного пространства, переговорам, сбору ресурсов, политико-гуманитарному воздействию и созданию системы официальных и неформальных партнёрских отношений, необходимых для постоянно расширяющейся сферы гуманитарной деятельности. Руководствуясь гуманитарными принципами, МГП и МППЧ, может констатировать, что в неё вовлечено множество заинтересованных сторон, происходит взаимодействие с такими субъектами, как негосударственные вооружённые группы, переговоры с которыми пренебрегаются при реализации многих других форм дипломатии.

Выйдя за пределы гуманитарной помощи, современная гуманитарная дипломатия приобретает полимодальный характер, соединяя принципы классического гуманизма и гуманизма устойчивости, а также опираясь на скоординированное взаимодействие государственных и негосударственных игроков. В настоящее время гуманитарная практика связана не только с гуманитарной помощью, поддержкой и сопровождением людей, пострадавших от чрезвычайных ситуаций, вооружённых конфликтов, изменения климата или нищеты, но и с восстановлением жизни общин без ущерба для перспектив развития и достижения ЦУР. Гуманитарная дипломатия государств, преследуя цель создания позитивного национального образа, использует комбинацию различных инструментов и может включать гуманитарную помощь, социальную политику, а также

экономическую и технологическую помощь в контексте устойчивого развития.

В работах исследователей показано, что гуманитарная дипломатия отличается от других типов дипломатии тем, что она способна справляться с чрезвычайными ситуациями и преодолевать глубокие разногласия для разрешения ситуаций, ранее считавшихся неразрешимыми [Ryfman 2010: 565–578]. Вместе с тем следует отметить несистематизированность знаний относительно содержания концепта гуманитарной дипломатии, в особенности в условиях новых трендов мирового политического развития. Малоизученными остаются формы её реализации. До сих пор не сложилось единства в определении её места в официальной дипломатии современных государств и её соотношения с национальной внешней политикой, а также влияния политической повестки на гуманитарную дипломатию. Несмотря на наличие работ, которые затрагивают вопросы гуманитарной дипломатии [Богатырёва, 2018; Громогласова 2018; Ковба 2020], практически отсутствуют российские исследования, в которых проводился бы комплексный анализ этого явления, а также изучались бы его национальные и цивилизационные проявления. Необходим эмпирический анализ гуманитарной дипломатии государств, и прежде всего России, способов её и конкретных последствий её реализации. В дальнейшем исследовании нуждаются дипломатия негосударственных субъектов, пределы их влияния на государственную политику и их возможности действовать в различной политической обстановке. Кроме того, необходима ревизия методологии, поскольку концепт гуманитарной дипломатии был существенно расширен, приобрёл новые значения и, как следствие, нуждается в новом исследовательском инструментарии.

Список литературы

- Богатырёва О.Н., Козыкина Н.В., Табаринцева-Романова К.М. Гуманитарная дипломатия Европейского Союза в XXI веке // Научный диалог. 2018. № 4. С. 191–204.
- Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 124 с.

- Зиновский Ю.Г. Многосторонняя дипломатия и миротворчество в условиях современного мира // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 61–74.
- Зонина Т.В. Дипломатия принуждения. Казус Ливии // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 35–48.
- Зонина Т.В. Конфликты или консенсус: дипломатия как средство достижения мира // Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина. М.: МГИМО (У) МИД России, 2004. С. 215–241.
- Ковба Д.М. Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ // Вестник КРСУ. 2020. Т. 20. № 11. С. 169–174.
- Крашенинникова Е.А. Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 533–544.
- Лебедева М.М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 114–130.
- Лебедева М.М., Устинова М.И. Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1. С. 135–154.
- Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ, 1941. 153 с.
- Пентегова А.В. Концепт гуманитарного сотрудничества в современной системе международных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. № 4. С. 54–60.
- Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 61–71.
- Черных Н.А. Гуманитарная дипломатия как инструмент разрешения социальных конфликтов // Вопросы управления. 2016. № 3 (40). С. 133–138.
- Barichello S.E. Refugee protection and responsibility sharing in Latin America: solidarity programmes and the Mexico Plan of Action // The International Journal of Human Rights. 2015. Issue 2. P. 191–207.
- Barnett M. Human rights, humanitarianism, and the practices of humanity. International Theory. 2018. Vol. 10 (3). P. 314–349.
- Borgomeo E. Delivering water services during protracted armed conflicts: How development agencies can overcome barriers to collaboration with humanitarian actors // International Review of the Red Cross. 2019. 101 (912). P. 1067–1089.
- Brysk A. Global Good Samaritans: Human Rights as Foreign Policy. Oxford: Oxford University Press, 2009. 304 p.
- Carpi E. Emergency // Humanitarianism: Keywords / ed. by Antonio De Lauri. Leiden, Boston: Brill, 2020. P. 57–58.
- Chandler D. The Road to Military Humanitarianism: How the Human Rights NGOs Shaped a New Humanitarian Agenda // Human Rights Quarterly. 2001. Vol. 23. No. 3. P. 678–700.
- Colombo S., Calvento L., Di Meglio M., Nicolao J., Sarthou N., Di Lorenzo D., Sol Herrero M. Asistencia humanitaria y política exterior Argentina: a una década del nuevo paradigma en la region Latinoamericana y Caribeña 2003–2013. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: 2014. 236 p.
- Constantinou C.M., Kerr P., Sharp P. Understanding Diplomatic Practice // The SAGE Handbook of Diplomacy / ed. by C. Constantinou, P. Kerr, P. Sharp. London: SAGE Publications Ltd, 2016. P. 1–10.
- Clark M.D. Humanitarian multi-track diplomacy: Conceptualizing the Definitive, Particular, and Critical Role of Diplomatic Function in Humanitarian Action. Groningen: University of Groningen, 2018. 309 p.
- Clements A.J. The Frontlines of Diplomacy: Humanitarian Negotiations with Armed Groups. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of the Australian National University. 2018. 431 p.
- Cornago N. Diplomacias plurales: nuevas prácticas, instituciones y discursos // Cursos de Derecho Internacional y Relaciones Internacionales de Vitoria-Gasteiz / ed. por D. Arocena. Thomson Reuter Aranzadi, 2017. P. 83–111.
- Cornago N. Repensar la Diplomacia Humanitaria // Nuevos planteamientos en diplomacia: La diplomacia humanitaria / ed. por A. Martí, L. Sancho (Dirs.). Madrid: Marcial Pons, 2020. P. 29–42.
- Davutoğlu A. Turkey's humanitarian diplomacy: objectives, challenges and prospects // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2013. Vol. 41. Issue 6. P. 865–870.
- Dobrowolska-Polak J. Humanitarian Diplomacy of the European Union // Open Europe: Cultural Dialogue Across Borders / ed. by B. Curylo, J. Kulska, A. Trzcielińska-Polus. 2014. Vol. 5. P. 115–126.
- Fiott D. Humanitarian Diplomacy // The Encyclopedia of Diplomacy / ed. by M. Gordon. Wiley Blackwell, 2018. P. 1–10.
- Global Diplomacy. An introduction to Theory and Practice / ed. by T. Balzacq, F. Charillon, F. Ramel. Paris: Palgrave Macmillan, 2020. 344 p.
- Gordon S., Donini A. Romancing principles and human rights: Are humanitarian principles salvageable? // International Review of The Red Cross. 2015. Vol. 97. No. 897–898. P. 77–109.

- Guinote F.S.* Q&A: The ICRC and the «humanitarian — development — peace nexus» discussion // International Review of the Red Cross. 2019. Vol. 101. No. 912. P. 1051–1066.
- Harroff-Tavel M.* The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross // Relations Internationales. 2005. No. 121. Spring (January-March). P. 72–89.
- Hilhorst D.* Classical humanitarianism and resilience humanitarianism: making sense of two brands of humanitarian action // Journal of International Humanitarian Action. 2018. Vol. 3. No. 1. P. 1–12.
- Jönsson C.* Diplomacy, bargaining and negotiation / Handbook of International Relations // Ed. by Carlsnaes W., Risse T., Simmons B. London: SAGE Publications Ltd, 2002. P. 212–234.
- Kaldor M.* New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge: Polity Press, 2012. 268 p.
- Leira H.* A Conceptual History of Diplomacy // The SAGE Handbook of Diplomacy / ed. by C. Constantinou, P. Kerr, P. Sharp. London: SAGE Publications Ltd, 2016. P. 28–38.
- Macrae J.* The Death of Humanitarianism? An Anatomy of the Attack // Disasters. 1998. Vol. 22. No. 4. P. 309–317.
- Mancini-Griffoli D., Picot A.* Humanitarian Negotiation. A Handbook for Securing Access, Assistance and Protection for Civilians in Armed Conflict. 2004. Geneva: Centre for Humanitarian Dialog. 168 p.
- Marcos F.R.* La diplomacia humanitaria en el escenario internacional actual: algunas tendencias y su incidencia en el caso Español // Nuevos planteamientos en diplomacia: la diplomacia humanitaria / ed. por A. Martí, L. Sancho. Madrid: Marcial Pons, 2020. P. 65–78.
- Minear L., Smith H.* Introduction // Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft / ed. by L. Minear, H. Smith. Tokyo: United Nations University Press, 2007. P. 1–5.
- Modirzadeh, Naz K, Dustin A Lewis и Claude Bruderlein.* Humanitarian Engagement Under Counterterrorism: A Conflict of Norms and the Emerging Policy Landscape // International Review of the Red Cross. Vol. 93. No. 883. 2011. 25 p.
- Mullerson R.* Human Rights Diplomacy. London: Routledge, 1997. 225 p.
- O'Hagan J.* Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy // Australian Journal of International Affairs. 2016. Vol. 70. Issue 6: Australian Diplomacy Affairs. P. 1–13.
- Pease K.* Introduction to human rights and humanitarian diplomacy // Human rights and humanitarian diplomacy. Manchester: Manchester University Press, 2020. P. 1–18.
- Régnier Ph.* The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy: Identification of a Community of Practice and Prospects for International Recognition // International Review of the Red Cross. December 2011. No 93 (884). P. 1211–1237.
- Rieff D.* A Bed for the Night: Humanitarianism in Crisis. New York: Simon & Schuster, 2002. 384 p.
- Rousseau E., Pende A.S.* Humanitarian Diploma // Global Diplomacy. An introduction to Theory and Practice / ed. by T. Balzacq, F. Charillon, F. Ramel. Paris: Palgrave Macmillan, 2020. P. 253–266.
- Ryfman Ph.* L'action humanitaire non gouvernementale: une diplomatie alternative? // Politique étrangère. 2010. No. 3. P. 565–578.
- Sharp P.* Mullah Zaeef and Taliban Diplomacy: An English School Approach // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. No. 4. P. 481–498.
- Singh N.* Armed conflicts and humanitarian laws of ancient India // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / ed. by C. Swinarski. The Hague: Kluwer Law International, 1985. P. 531–536.
- Slim H.* Humanitarian Diplomacy: the ICRC's Neutral and Impartial Advocacy in Armed Conflicts // Ethics & International Affairs. 2019. Vol. 33. Issue 1. P. 67–77.
- Smith H.* Humanitarian diplomacy: Theory and practice // Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft / ed. by L. Minear, H. Smith. Tokyo: United Nations University Press, 2007. P. 36–62.
- Spies Y.K.* Polyilateral Diplomacy: Diplomacy as Public–Private Collaboration // Global South Perspectives on Diplomacy. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 153–199.
- Tabak H.* Broadening the Nongovernmental Humanitarian Mission: The IHH and Mediation // Insight Turkey. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 193–215.
- Toros H.* Legitimacy and Complexity in Terrorist Conflicts // Security Dialogue. 2008. Vol. 39. No. 4. P. 407–426.
- Turunen S.* Humanitarian Diplomatic Practices // The Hague Journal of Diplomacy. 2020. Vol. 15. P. 459–487.
- Velikaya A.* The Russian Approach to Public Diplomacy and Humanitarian Cooperation // Rising Powers Quarterly. 2018. No. 3 (3). P. 39–61.
- Wiseman G.* Diplomatic practices at the United Nations // Cooperation and Conflict. 2015. Vol. 50. Issue 3. P. 316–333.
- Wiseman G.* Polyilateralism' and New Modes of Global Dialogue // Diplomacy. Vol. 3: Problems and Issues in Contemporary Diplomacy / ed. by C. Jonsson, R. Langhorne. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. P. 409–430.

HUMANITARIAN DIPLOMACY

MODERN CONCEPTS AND APPROACHES*

OLGA BOGATYREVA

Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, 620002, Russia

Abstract

Modern trends in world development have significantly pushed the boundaries of modern diplomacy which should be an effective tool for global dialogue. My study is focused on the humanitarian sector of diplomacy. The article reviews main discussions about approaches to the concept of humanitarian diplomacy that arose against the background of the idea of "humanism 2.0", about the spread of the practice of humanitarian negotiations and about the creation of humanitarian spaces. I examine the main approaches of foreign and Russian researchers to the concepts of humanitarian diplomacy. Then I analyze the tools of humanitarian diplomacy and highlight its similarities and differences with traditional official diplomacy. It is established that non-State actors play an important political role in the resolution of modern conflicts and humanitarian negotiations. The role of the UN in creating a humanitarian partnership with non-governmental organizations (NGOs) is noted. I also pay attention to the humanitarian diplomacy of states and note the diversity of national models. The article considers the main motives that encourage states to participate in humanitarian diplomacy and highlights its main directions. I demonstrate shown that today humanitarian practice is acquiring a polymodal, complex character. It includes humanitarian assistance, social policy and economic assistance in the context of the paradigm of sustainable development. The study reveals that the use of diplomatic tools and, above all, negotiations have a positive impact on the effectiveness of humanitarian activities in armed conflicts and crisis situations of an anthropogenic and natural nature.

Keywords:

diplomacy; humanitarian diplomacy; humanitarian aid; humanism; peacemaking; human rights.

References

- Balzacq T., Charillon F., Ramel F. (eds) (2020). *Global Diplomacy An introduction to Theory and Practice*. Paris: Palgrave Macmillan. 344 p.
- Barichello S. E. (2015). Refugee protection and responsibility sharing in Latin America: solidarity programmes and the Mexico Plan of Action. *The International Journal of Human Rights*. Vol. 20. No. 2. P. 191–207.
- Barnett M. (2018). Human rights, humanitarianism, and the practices of humanity. *International Theory*. Vol. 10 (3). P. 314–349.
- Bogatyreva O.N., Kozykina N.V., Tabarinceva-Romanova K.M. (2018). Gumanitarnaya diplomatiya Evropejskogo Soyuza v XXI veke [Humanitarian Diplomacy of European Union in the 21st century]. *Nauchnyj dialog*. No. 4. P. 191–204.
- Borgomeo E. (2019). Delivering water services during protracted armed conflicts: How development agencies can overcome barriers to collaboration with humanitarian actors. *International Review of the Red Cross*. Vol. 101. No. 912. P. 1067–1089.
- Brysk A. (2009). *Global Good Samaritans: Human Rights as Foreign Policy*. New York: Oxford University Press. 304 p.
- Carpi E. (2020) Emergency. In: Antonio De Lauri (ed). *Humanitarianism: Keywords*. Leiden-Boston, Brill. P. 57–58.
- Chandler D. (2001). The Road to Military Humanitarianism: How the Human Rights NGOs Shaped a New Humanitarian Agenda. *Human Rights Quarterly*. Vol. 23. No. 3. P. 678–700.
- Chernyh N.A. (2016). Gumanitarnaya diplomatiya kak instrument razresheniya social'nyh konfliktov [Humanitarian Diplomacy As a Tool of Social Conflict Resolving]. *Voprosy upravleniya*. No. 3 (40). P. 133–138.

* The Work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-014-00033 A "The Concept of Polymodal Humanitarian Diplomacy: Implementation, Tools and Civilizational Models".

- Clark M. D. (2018). *Humanitarian multi-track diplomacy: Conceptualizing the Definitive, Particular, and Critical Role of Diplomatic Function in Humanitarian Action*. Groningen: University of Groningen. 309 p.
- Clements A. J. (2018). *The Frontlines of Diplomacy: Humanitarian Negotiations with Armed Groups*. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of the Australian National University. 431 p.
- Colombo S., Calvento L., Di Megilo M., Nicolao J., Sarthou N., Di Lorenzo D., Sol Herrero M. (2013). *Asistencia humanitaria y política exterior Argentina: a una década del nuevo paradigma en la region Latinoamericana y Caribeña 2003–2013* [Humanitarian Assistance and Argentine Foreign Policy: a Decade after the New Paradigm in the Latin American and Caribbean region 2003–2013]. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: 2014. 236 p.
- Constantinou C. M., Kerr P., Sharp P. (2016). Understanding Diplomatic Practice. In: Constantinou C., Kerr P., Sharp P. (eds.) *The SAGE Handbook of Diplomacy*. London: SAGE Publications. P. 1–10.
- Cornago N. (2017). Diplomacias plurales: nuevas prácticas, instituciones y discursos [Plural Diplomacies: New Practices, Institutions and Discourses]. In: Arocena D. (ed.) *Cursos de Derecho Internacional y Relaciones Internacionales de Vitoria-Gasteiz* [International Law and International Relations Courses in Vitoria-Gasteiz]. Thomson Reuter Aranzadi. P. 83–111.
- Cornago N. (2020). Repensar la Diplomacia Humanitaria [Rethinking Humanitarian Diplomacy]. In: Martí A., Sancho L. (eds.) *Nuevos planteamientos en diplomacia: La diplomacia humanitaria* [New Approaches in Diplomacy: Humanitarian Diplomacy]. Madrid: Marcial Pons. P. 29–42.
- Davutoglu A. (2013). Turkey's humanitarian diplomacy: objectives, challenges and prospects. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 41. No. 6. P. 865–870.
- Dobrowolska-Polak J. (2014). Humanitarian Diplomacy of the European Union. In: Curylo B., Kulska J., Trzecielińska-Polus A. (eds.) *Open Europe: Cultural Dialogue Across Borders*. Vol. 5: New Diplomacy in Open Europe. P. 115–126.
- Fiott D. (2018). Humanitarian Diplomacy In: Martel G. (ed.) *The Encyclopedia of Diplomacy*. Wiley Blackwell. P. 1–10.
- Gordon S., Donini, A. (2015). Romancing principles and human rights: Are humanitarian principles salvageable? *International Review of The Red Cross*. Vol. 97. No. 897–898. P. 77–109.
- Gromoglasova E.S. (2018). *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian Diplomacy in Modern International Politics: A Systemic View]. Moscow: IMEMO RAN. 124 p.
- Guinote F. S. (2019). Q&A: The ICRC and the «humanitarian – development – peace nexus» discussion. *International Review of the Red Cross*. Vol. 101. No. 912. P. 1051–1066.
- Harroff-Tavel M. (2005). The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross. *Relations Internationales*. No. 121. Spring (January-March). P. 72–89.
- Hilhorst D. (2018). Classical humanitarianism and resilience humanitarianism: making sense of two brands of humanitarian action. *Journal of International Humanitarian Action*. Vol. 3. No. 1. P. 1–12.
- Jönsson C. (2002). Diplomacy, Bargaining and Negotiation. In: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B. (eds.) *Handbook of International Relations*. London: SAGE Publications. P. 212–234.
- Kaldor M. (2012). *New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Redwood City: Stanford University Press. 268 p.
- Kovba D. M. (2020) Gumanitarnoe izmerenie diplomatii: problema kategorizatsii i analiz [The Humanitarian Dimension of Diplomacy: the Problem of Categorization and Analysis]. *Herald of KRSU*. Vol. 20. No. 11. P. 169–174.
- Krashenninnikova E.A. (2019). Religioznaya diplomatiya v uregulirovaniy afganskogo konflikta: vozmozhnosti i ogranicheniya [Religious Diplomacy in the Settlement of the Afghan conflict: Opportunities and Limitations]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No 4. P. 533–544.
- Lebedeva M.M. (2018). Razvitie social'noj i gumanitarnej problematiki v mezhdunarodnyh issledovaniyah: rossijskij rakurs [Social and Humanitarian issues in International studies: the Russian Perspective]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 1 (58). P. 114–130.
- Lebedeva M.M., Ustinova M.I. (2020). Gumanitarnye i social'nye voprosy v Sovete Bezopasnosti OON [The Humanitarian and Social Agenda of the UN Security Council]. *International Organizations Research Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 135–154.
- Leira H. A. (2016). Conceptual History of Diplomacy. In: Constantinou C., Kerr P., Sharp P. (eds.) *The SAGE Handbook of Diplomacy*. London: SAGE Publications. P. 28–38.
- Macrae J. (1998). The Death of Humanitarianism? An Anatomy of the Attack. *Disasters*. Vol. 22. No. 4. P. 309–317.
- Mancini-Griffoli D., Picot A. (2004). *Humanitarian Negotiation. A Handbook for Securing Access, Assistance and Protection for Civilians in Armed Conflict*. Geneva: Centre for Humanitarian Dialog. 168 p.
- Marcos F. R. (2020). La diplomacia humanitaria en el escenario internacional actual: algunas tendencias y su incidencia en el caso Español [Humanitarian Diplomacy in the Current International Scenario: Some Trends and Their Incidence in the Spanish Case]. In: Martí A., Sancho L. *Nuevos planteamientos*

- en diplomacia: la diplomacia humanitaria* [New Approaches in Diplomacy: Humanitarian Diplomacy]. Madrid: Marcial Pons. P. 65–78.
- Minear L., Smith H. (2007). Introduction. In: Minear L., Smith H. *Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft*. Tokyo: United Nations University Press. P. 1–5.
- Modirzadeh N. K., Lewis D. A., Bruderlein C. (2011). Humanitarian Engagement Under Counterterrorism: A Conflict of Norms and the Emerging Policy Landscape. *International Review of the Red Cross*. Vol. 93. No. 883. 25 p.
- Mullerson R. (1997). *Human Rights Diplomacy*. London: Routledge. 225 p.
- Nikolson G. (1941). *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: OGIz. 153 p.
- O'Hagan J. (2016). Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 70. Issue 6: Australian Diplomacy Affairs. P. 1–13.
- Pease K.K. (2020). Introduction to human rights and humanitarian diplomacy. In: Pease K. *Human Rights and Humanitarian Diplomacy*. Manchester: Manchester University Press. P. 1–18.
- Pentegova A.V. (2019). Kontsept gumanitarnogo sotrudnichestva v sovremennoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij [The Concept of Humanitarian Cooperation in the Modern System of International Relations]. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4. P. 54–60.
- Regnier Ph. (2011). The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy: Identification of a Community of Practice and Prospects for International Recognition. *International Review of the Red Cross*. Vol. 93. No. 884. P. 1211–1237.
- Rieff D. (2002). *A Bed for the Night: Humanitarianism in Crisis*. New York: Simon & Schuster. 384 p.
- Rusakova O. F., Rusakov V. M. (2017). "Myagkaya sila" kak instrument politicheskoy kommunikatsii i gumanitarnoy diplomatii [Soft Power as the Instrument of Political Communications and Humanitarian Diplomacy]. *Discourse-P*. No.1 (26). P. 61–71.
- Rousseau E., Pende A. (2020). Humanitarian Diploma. In: Balzacq T., Charillon F., Ramel F. (eds.) *Global Diplomacy. An Introduction to Theory and Practice*. Paris: Palgrave Macmillan. P. 253–266.
- Ryffman Ph. (2010). L'action humanitaire non gouvernementale: une diplomatie alternative? [Nongovernmental humanitarian action: an alternative diplomacy?]. *Politique étrangère*. No. 3. P. 565–578.
- Sharp P. (2003). Mullah Zaeef and Taliban Diplomacy: An English School Approach. *Review of International Studies*. Vol. 29. No. 4. P. 481–498.
- Singh N. (1985). Armed conflicts and humanitarian laws of ancient India. In C. Swinarski. *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles*. The Hague: Kluwer Law International. P. 531–536.
- Slim H. (2019). Humanitarian Diplomacy: the ICRC's Neutral and Impartial Advocacy in Armed Conflicts. *Ethics & International Affairs*. Vol. 33. No. 1. P. 67–77.
- Smith H. (2007). Humanitarian diplomacy: Theory and practice. In: Minear L., Smith H. (eds.) *Humanitarian Diplomacy: Practitioners and Their Craft*. Tokyo: United Nations University Press. P. 36–62.
- Spies Y.K. (2019). *Polylateral Diplomacy: Diplomacy as Public-Private Collaboration*. *Global South Perspectives on Diplomacy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 153–199.
- Tabak H. (2015). Broadening the Nongovernmental Humanitarian Mission: The IHH and Mediation. *Insight Turkey*. Vol. 17. No. 3. P. 193–215.
- Toros H. (2008). Legitimacy and Complexity in Terrorist Conflicts. *Security Dialogue*. Vol. 39. No. 4. P. 407–426.
- Turunen S. (2020). Humanitarian Diplomatic Practice. *The Hague Journal of Diplomacy*. Vol. 15. P. 459–487.
- Velikaya A. (2018). The Russian Approach to Public Diplomacy and Humanitarian Cooperation. *Rising Powers Quarterly*. No. 3 (3). P. 39–61.
- Wiseman G. (2015). Diplomatic practices at the United Nations. *Cooperation and Conflict*. Vol. 50. No. 3. P. 316–333.
- Wiseman G. (2004). Polyilateralism' and New Modes of Global Dialogue. In: Jonsson Ch., Langhorne R. (eds.) *Diplomacy. Vol. 3: Problems and Issues in Contemporary Diplomacy*. Ed. Thousand Oaks, CA: Sage: 409–430.
- Zinovskij Yu.G. (2010). Mnogostoronnyaya diplomatiya i mirotvorchestvo v usloviyah sovremennogo mira [Multilateral Diplomacy and Peacekeeping in the World of Today]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 6 (15). P. 61–74.
- Zonova T.V. (2017). Diplomatiya prinuzhdeniya. Kazus Livii [Limits of Coercive Diplomacy in Internationalized Conflicts. The Case of Libya]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 1. P. 35–48.
- Zonova T.V. (2004). Konflikt ili konsensus: diplomatiya kak sredstvo dostizheniya mira [Conflicts or Consensus: Diplomacy as a Means to Achieve Peace]. In: Ahin G., Volkova G., Glagolev V et al., Tiulin G. (ed.) *Kultura tolerantnosti: opyt diplomatii dlya resheniya sovremennykh upravlencheskih problem* [A Culture of Tolerance: Diplomatic Experience for Solving Contemporary Management Problems]. Moscow: MGIMO University. P. 215–241.